

**История российского предпринимательства.
Род Демидовых
(по материалам изданий Демидовского института)**

О Демидовском институте

Рождение Демидовского института в декабре 1991 г. пришлось на очень драматичный момент в истории нашей страны — фактически оно состоялось синхронно с распадом СССР. Было ясно, что набирающая силу и скорость трансформация общественного устройства влечёт за собой серьёзные мировоззренческие сдвиги в сознании людей. При этом было явно заметно, что вектор таких сдвигов в обществе «колебался» и «вибрировал» от искреннего желания людей понять происходящее для сохранения какой-то нравственной точки опоры в жизни, до зачёркивания всего прошлого и отказа от цивилизационных духовно-нравственных традиций отечественной культуры.

Становление новых социальных групп, в том числе, являющихся собственниками экономических активов, то есть наиболее деятельными субъектами экономического переустройства общества, поставило перед Демидовским институтом задачу способствовать реабилитации предпринимательства в общественном сознании как сферы творческой созидательной деятельности, нацеленной на развитие страны. Отсюда закономерно вытекали основные принципы в работе института: 1) его деятельность должна быть обращена как к народу, так непосредственно к самим предпринимателям и, что не менее важно — к властным структурам; 2) опора на документы и создание правдивой картины прошлого на базе широкого спектра исторических источников; 3) результаты исследований, воплощённые в издательские проекты, должны быть поданы, с одной стороны, убедительно и профессионально, а с другой — как можно более интересно и доступно широкому кругу читателей.

Иными словами, следование указанным принципам требовало от института соединения строгой академичности фундаментальных исследований с формами и методами просветительской деятельности. Судить же о результате работы института на сегодняшний день, полагаем — это право научной общественности и читателей вышедших в свет книг.

Типология изданий института разнообразна. Это монографии¹, публикации исторических источников², сборники исследований и документов (в том числе два тома альманаха)³, справочники⁴, и даже одно учебное пособие⁵.

Институт плодотворно сотрудничает с широким кругом специалистов (историков, искусствоведов, филологов, экономистов, культурологов) Урала и других регионов, а также с зарубежными исследователями. Результаты этого творческого сотрудничества также представлены на страницах изданных книг.

Тематически, опубликованные материалы соответствуют исследовательским и просветительским проектам, реализуемым институтом: «История российского предпринимательства»; «Коммерция и государство: исторический опыт взаимодействия»; «Культура российской провинции»; «Памятники истории и языка»; «Памятники архитектуры и индустриального наследия» и др.

Как видно, тематика изданий весьма широка. Это естественно, поскольку сама общественная жизнь всегда была и будет многогранной. С другой стороны, многоаспектна и каждая из проблем, заявленных институтом в его проектах. Поэтому работа института не ограничивается изучением исключительно демидовского наследия, а ведётся шире. Однако материалы по истории рода Демидовых, как базовые, аккумулирующие основную тематику и обеспеченные богатством сохранившихся архивов, безусловно, преобладают.

И конечно, нельзя не отметить, что достигнутыми итогами в своей работе Демидовский институт в значительной степени обязан вниманию и поддержке со стороны Эдуарда Эргартовича Росселя и Международного Демидовского фонда, которые всегда откликались

¹ Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. IX – XVII века. Екатеринбург: Демидовский институт, 1997. – 304 с.; Костерина-Азарян А.Б. Театральная старина Урала. Екатеринбург: Демидовский институт, 1998. – 224 с.; Клат С.А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле – фамильная усыпальница Демидовых (История создания и разрушения). Екатеринбург: Демидовский институт, 2003. – 54 с.; Суровцева Н.Г. Экспорт уральского металла в середине XIX века. Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. – 176 с.; Черкасова А.С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Исследования 1961—1991 гг. Екатеринбург: Демидовский институт, 2012. – 408 с.; Рябов Б.Г. Уникальные «махины» горнозаводского Урала и Сибири. (XVIII — середина XIX веков) Екатеринбург: Демидовский институт, 2016. – 416 с.; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 504 с.

² Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911—1914). Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. – 384 с.; Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786. Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – 496 с.

³ Демидовский временник: Исторический альманах. В 2-х кн. Екатеринбург: Демидовский институт, Кн. I, 1994. – 400 с. Кн. II, 2008. – 856 с.; Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.): Сборник исследований. Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. – 160 с.; Культура индустриального Урала (XVIII—XX вв.): Сборник статей. Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – 224 с.; Коллекционирование, меценатство и благотворительность: История и современность. Сборник статей. Екатеринбург: Демидовский институт, 2014. – 192 с.

⁴ Краснова Е.И. Демидовы. Родословная роспись. Екатеринбург: Демидовский институт, 1992. – 40 с.; Талалай М.Г., Павловский Н.Г. Демидовы, князья Сан-Донато. Иностранная библиография. Екатеринбург: Демидовский институт, 2005. – 130 с.

⁵ Казак А. Ю., Прокофьева Е. Н. История финансово-кредитных отношений в России от древности до конца XIX века. Екатеринбург: Демидовский институт; УрГЭУ, 2016. – 104 с.

деятельным участием в разрешении сложных проблем, в том числе, грозивших, порой, институту закрытием.

В настоящей статье предпринята попытка представить некоторые выводы, которые, на наш взгляд, позволяют сформулировать издания института, и которые мы рассматриваем как приглашение к дальнейшему их обсуждению исследователями с целью более углублённого осмысления истории России.

Династия Демидовых в российском цивилизационном процессе

Думается, сегодня нет необходимости обосновывать уже фактически утвердившийся в историографии тезис о том, что деятельность первых основателей династии Демидовых носила цивилизационный характер.

Никита и Акинфий Демидовы осваивали в первой половине XVIII в. слабо заселённый Урал и отдалённый Алтай, создавая крупное промышленное производство, вводя эти бескрайние территории в сферу экономической жизни страны. Ведь строительство заводов это не просто возведение плотины, доменной печи и прочих производственных объектов. Чтобы все это смогло работать, требовалось создание и постоянное поддержание сопутствующей инфраструктуры, как производственной (разработка рудников, строительство дорог, мостов, пристаней, судов, организация лесного хозяйства и проч.), так и социальной для обеспечения работников необходимыми условиями жизни и труда (строительство домов, церквей, подготовка кадров, организация медицинского обслуживания, обеспечение провиантом и т.д.). Масштаб и результат труда Демидовых был огромен — только на Урале в XVIII в. они основали 36 заводов (опередив даже казну, выстроившую 35), а с учётом Центральной России и Алтая — 56. Ни в Европе, ни в Америке того времени, аналогов нет.

Однако мы полагаем, что роль Демидовых в процессе индустриального освоения территорий России не может ограничиваться лишь XVIII столетием. На нескольких страницах библиографического справочника «Демидовы, князя Сан-Донато»⁶ приведён перечень изданий и переизданий (на французском, английском, немецком, итальянском, шведском, польском языках) материалов «Путешествия в Южную Россию и Крым», совершенного в 1837 г. 25-летним Анатолием Николаевичем Демидовым. Это была не развлекательная туристическая поездка, а хорошо продуманная и подготовленная комплексная научная экспедиция, к участию в которой Анатолий пригласил более 20 иностранцев — видных европейских учёных (этнографов, палеонтологов, химиков, медиков), а также специалистов горного дела и топографов. Организация столь грандиозного

⁶ Талалай М.Г., Павловский Н.Г. Демидовы, князя Сан-Донато... С. 11–25.

мероприятия обошлась Анатолию в 450 тыс. руб. Историкам материалы этой экспедиции хорошо известны, в частности, глава, посвящённая ей, содержится в одной из книг И.Н.Юркина⁷.

Не останавливаясь на описании экспедиции, отметим главное — в ее ходе проводились «изыскания в каменноугольных формациях Дона и Донца»⁸, то есть в хорошо известном сегодня Донецком каменноугольном бассейне. Результаты именно этого исследования (хотя о залегании здесь угля было известно ещё в XVIII в.) дали возможность определить значимость месторождения, качество угля и его примерные запасы, что в дальнейшем, уже во второй половине XIX в., позволило начать здесь промышленную добычу высококачественного коксующегося каменного угля, а с развитием железнодорожной сети, соединить уголь Донбасса с Криворожским железорудным бассейном. В результате, к концу XIX в. в Новороссии сформировался новый металлургический район, предприятия которого работали уже на новой технологической базе — на бессемеровских и мартеновских печах. И к началу XX в. южная металлургия опередила Урал, доля которого в общем производстве черного металла снизилась с 67% в 1870-х гг. до 28% в 1900 г., а доля Юга возросла соответственно с 0,1% до 51%⁹.

Таким образом, следует признать, что из пяти важнейших металлургических районов Российской империи XVIII–XIX вв. — Северного (Олонецкие заводы), Центрального (Тульско-Каширские заводы), Уральского, Сибирского (Алтай) и Южного, в четырёх регионах Демидовы непосредственно строили свои заводы, при этом, в трех из них (на Урале, Алтае и в Новороссии) Демидовых можно считать первопроходцами промышленного освоения.

На всех этих территориях, именно деятельность Демидовых послужила мощным импульсом к запуску, пусть и хронологически длительного, но поступательно развивающегося процесса становления индустриальной цивилизации России, сращивая отдельные регионы обширной страны в единое целое с опорой не только на административно-военное управление, но и на хозяйственно-экономические механизмы, обеспечивая этим усиление единства и прочности державы.

Здесь следует уточнить, что в понятие «индустриальной цивилизации» мы вкладываем такое состояние общества, когда традиционные аграрные формы хозяйствования сменяются в экономике преобладанием промышленного производства, что влечёт за собой активное влияние последнего на все сферы жизни общества: на его социальную структуру, на

⁷ Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. — М.: Наука, 2001. С. 209–262.

⁸ Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. I... С. 270.

⁹ Лапаева Л.В. Возникновение и развитие металлургической промышленности в России (до 1917 г.) // Вестник Оренбургского государственного университета. № 6, 2005. С. 57.

экономику, политику, науку и культуру. Конечно, Россию XVIII–XIX вв. индустриальной державой в современном смысле слова назвать нельзя. Однако таковой державой Россия стала не вдруг как следствие индустриализации начала XX в. или 1930-х годов. Этот процесс шел постепенно, через экстенсивный рост крупного мануфактурного производства XVIII столетия, через промышленный переворот седины – второй половины XIX в., через кризис начала XX в., сопровождавшийся дальнейшим внедрением технологических новшеств и эволюцией организационных форм производства. Для нас же сегодня, глядя в прошлое с высоты XXI столетия, особенно важно понимать единство этого процесса, не теряя за горизонтом его истоки. Только так мы сможем по достоинству оценить достижения, либо понять причины неудач наших предков, трудами которых собиралась и создавалась Россия.

К сказанному следует добавить, что роль Анатолия Николаевича Демидова в изучении России с целью наиболее эффективного и разумного использования её богатств, не ограничилась лишь организацией рассмотренного путешествия. Практически сразу после его завершения, Анатолий наметил масштабную программу естественно-научных исследований Нижнетагильского округа (топографических, геологических, метеорологических, магнитных, флористических и др.). Реализация исследований (правда, не в полном объёме) заняла длительный период — с 1837 до начала 1850-х гг. Подробно об этом рассказано в статье С.А.Клат и В.В.Литовского (опубликованной в сборнике «Культура индустриального Урала»)¹⁰, поэтому здесь отметим лишь главное.

Для проведения исследований на Урал были приглашены французские инженеры-топографы Бержье и Аллори. В результате многолетней работы были составлены топографические карты округа, уточнены его границы, определены размеры лесных дач, сделаны расчеты оборота рубки лесов и годовой нормы заготовки топлива. Эти сведения позволяли, например, как писал сам Анатолий Николаевич, «достигнуть возможности составить проект о лесохозяйстве и... в точности определить... все места, где должен приготовляться уголь»¹¹.

В рамках этой же исследовательской программы округа, в 1839 г. в Нижнем Тагиле была создана метеорологическая обсерватория и с ноября 1839 г. начались регулярные метеорологические наблюдения, которые велись на основе общепринятых европейских и российских стандартов, что позволяло использовать данные обсерватории всем мировым научным сообществом. Ежегодные итоговые отчёты обсерватории публиковались на протяжении 1842–1866 гг. и рассылались всем заинтересованным лицам и учреждениям.

В 1854 г. сотрудничество Нижнетагильской конторы с Бержье и Аллори завершилось в связи с тем, что их профессионализм высоко оценило Уральское горное правление,

¹⁰ Клат С.А., Литовский В.В. Новые сведения о деятельности на Урале французских инженеров-топографов Бержье и Аллори // Культура индустриального Урала... С. 117–125.

¹¹ Клат С.А., Литовский В.В. Указ. соч. С. 122.

заключившее с инженерами уже свой контракт на проведение топографических работ в казённых округах. В итоге, приглашённые на Урал А.Н.Демидовым, Бержье и Аллори впервые провели здесь широкомасштабные системные измерения рельефа местности, отметив 442 высоты различных территорий над уровнем моря.

И вот дословно заключительный вывод авторов названной статьи: «На наш взгляд, объем топографических работ, выполненных Бержье и Аллори и завершённых офицерами Корпуса военных топографов, был настолько велик, что его следует считать этапным в развитии уралистики, а именно, вторым после всплеска картирования Урала в петровскую эпоху»¹².

Вот ещё один весомый результат в деятельности Анатолия Николаевича — потомка, достойного памяти своих предков — Никиты и Акинфия Демидовых! На первый взгляд, корректность такого прямого сопоставления значимости их деятельности может вызывать сомнение — слишком велико отличие между ними по сферам приложения трудов. Строительство десятков заводов и научные исследования территорий России — сравнимо ли это вообще?

Мы полагаем, что да, потому что общим знаменателем здесь является освоение природных богатств и ресурсов, организация их рачительного использования и развитие территорий для обеспечения экономической самостоятельности страны как важнейшего условия ее процветания. При таком взгляде на плоды трудов первых Демидовых и Анатолия Николаевича, отмеченные различия становятся частностью, обусловленной лишь разностью эпох. Если перед Никитой и Акинфием Демидовыми первостепенными были производственно-организационные задачи освоения территорий и их первичного включения в промышленную эксплуатацию, то время Анатолия Николаевича требовало совершенствования унаследованной системы управления хозяйством и поиска путей его модернизации, в частности, посредством проводимых исследований.

Владение и управление крупными промышленными предприятиями служило объективным основанием постоянного интереса Демидовых к положительным результатам технических новаций и к достижениям науки. При этом следует иметь в виду три важных фактора.

Во-первых, XVIII век в Европе, а вторая половина этого столетия и в России — время, именуемое эпохой Просвещения, одной из черт которой становится распространение научного знания, утверждаются также основополагающие принципы науки — знание должно быть общедоступно и приносить практическую пользу в преобразовании и совершенствовании действительности. Вполне закономерно, что в орбите этих процессов уже с середины XVIII в. оказались и Демидовы. При этом важно подчеркнуть, что Демидовы уже тогда были не просто сторонними наблюдателями научных достижений, а лично

¹² Там же. С. 124.

включились в их активное усвоение, содействуя одновременно расширению эмпирической базы исследований, проводимых учёными. Ярчайшее свидетельство тому — Григорий Демидов с его серьёзным увлечением ботаникой, а также сыновья Григория Акинфиевича, получившие, блестящее европейское образование¹³.

Во-вторых, на вторую половину XVIII столетия приходится начало промышленного переворота в Англии, а в 30-е годы XIX в. этот процесс начинается и в России. Естественно, такое явление тоже не могло остаться вне поля зрения Демидовых, понимавших, что для придания динамики промышленному перевороту, призванному обеспечить конкурентоспособность отечественной промышленности, и для ускорения экономического развития страны в целом, необходимо создание условий для расширения и углубления научных исследований.

В-третьих, XVIII–XIX вв. в истории российской науки можно охарактеризовать как период особо активного познания Россией самой себя. Это время, своего рода, инвентаризации собранных под скипетром империи обширных земель и их богатств. Начиная с эпохи Петра I было организовано множество экспедиций и путешествий, в ходе которых изучались Европейская Россия, Поволжье, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Кавказ, Прикаспий и др. территории. Материалы экспедиций (географические, этнографические, геологические и проч.) активно издавались. Разумеется, это тоже не могло не вызывать интерес у Демидовых.

В контексте сказанного мы можем более глубоко понять побудительные мотивы, цели и значимость деяний потомков Никиты и Акинфия Демидовых, направленных на поддержку науки. Становится очевидным, что идея учреждения Демидовских премий, причём, именно в 1831 г., не вдруг осенила Павла Николаевича. Если рассматривать это событие как изолированное и отчуждённое от упомянутых процессов, то конечно, оно может быть воспринято в качестве случайного акта, предпринятого просвещённым магнатом, нашедшим повод для вложения избыточных средств в полезное дело ради приобретения уважения и известности в обществе.

Однако в действительности, как видим, учреждение премий явилось ответом на своевременно осознанный Павлом Николаевичем вызов времени. При этом особая заслуга Павла Николаевича заключалась ещё и в понимании того, что содействовать развитию науки необходимо на стабильной систематической основе.

Аналогичный вывод мы можем сделать и в отношении оценки фактов организации Анатолием Николаевичем путешествия по Южной России, а также изучения ресурсов и природы Урала. Однако следует отметить одну особенность — Анатолий Демидов выступил не только жертвователем средств, но и сам лично занял позицию активного субъекта,

¹³ Подробно об этом см.: Черкасова А.С. «Ваши особые научные познания... известны мне...» (Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею // Демидовский временник. Исторический альманах. Кн. II. С. 9–84; Она же. «Ваш послушный сын» // Там же. С. 85–610.

определяющего территорию и направления исследований. Такая позиция была в чем-то сложнее, так как требовала именно от него осуществления окончательного выбора и принятия решения, которое не могло основываться на случайном предугадывании положительного результата. Занимая такую позицию, Анатолий сознательно возлагал на себя и ответственность за исход всего предприятия. Конечно, Анатолий принимал решения на основании заранее подготовленных для него данных, и консультаций с учёными, но окончательное решение было за ним, а значит и ответственность он брал на себя полную.

Однако никто из Демидовых личных научных исследований не вёл (увлечения Григория и Прокофия Акинфиевичей, а также Павла Григорьевича ботаникой и естественными науками, так и остались лишь увлечениями, удовлетворявшими их личный интерес), никто из Демидовых не стремился к облачению в мантию учёного. Они не нуждались в этом, видя своё предназначение в другом — в реализации своих возможностей содействовать развитию науки и образования Отечества ради его процветания.

В этом плане весьма показательны сведения «Перечня пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям»¹⁴. Из документа следует, что подавляющая доля всех благотворительных пожертвований Демидовых в XVIII в. и по 1841 г. была направлена именно в сферы науки и образования, причём не только высшего, но и профессионального (на коммерческие училища, готовившие детей купцов и мещан к ведению хозяйственно-экономической деятельности).

Таким образом, мы полагаем, что не будет преувеличением и неоправданной модернизацией оценивать благотворительную деятельность Демидовых XVIII–XIX вв. как стратегическое, осознанное и целенаправленное инвестирование в человеческий потенциал. По искреннему убеждению жертвователей это служило важнейшей основой успешного развития страны.

Справедливости ради, следует сказать, что и свои прямые обязанности владельцев промышленных предприятий Демидовы не забывали. Богатое документальное наследие, хранящееся в архивах, свидетельствует, что на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX вв. Демидовы внимательно следили за действием заводов, стремились вникать во все серьёзные проблемы как производства, так и социальной сферы. Немало усилий прилагалось ими для удержания и расширения своих позиций на рынке, причём не только отечественном, но и зарубежном.

Хочется надеяться, что наши наблюдения и выводы будут способствовать изживанию широко бытовавших и до сих пор часто всплывающих мифов, об активной натуре первых Демидовых (Никиты и Акинфия), заслуживающих уважения потомков, с одной стороны, а с

¹⁴ Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник. Исторический альманах. Кн. I. С. 246–275.

другой — об их наследниках, «прожигателях жизни» и «мотах», тешивших своё самолюбие филантропической деятельностью.

Это будет способствовать не только восстановлению исторической справедливости, но и обогащению нас самих сегодня углублённым пониманием прошлого, осмыслением исторического опыта и традиций именно российского цивилизационного процесса.

Как оценивать привилегии Демидовых, взаимоотношения с властью и подневольный труд на заводах?

Второй, очень важный аспект, который необходимо затронуть — это вопрос о привилегиях, предоставлявшихся Демидовым Петром I и его приемниками в первой половине XVIII в. Очень часто в историографии, особенно в советской, эти привилегии имеют однозначно негативную оценку как стремление Демидовых к утверждению своих позиций внеэкономическими методами. Даже в некоторых серьёзных современных исследованиях, факт наличия у заводчиков привилегий отмечается, либо вообще без комментариев, либо упоминается в неопределённом контексте как некий «скелет в шкафу». Результаты исследований, отражённые в ряде изданий Демидовского института¹⁵, позволяют, на наш взгляд, высказать объективную оценку этой проблеме.

Для начала посмотрим что представляла собой привилегия? Феодальное общество рассматривало её как исключительное право, как преимущество перед другими. Привилегия всегда была конкретна, касалась отдельных лиц, даровалась определённым монархом определённому лицу и, как правило, существовала только пока монарх был жив. Его преемник мог признать или не признать данную привилегию, мог даровать или не даровать новую. С другой стороны, в подтверждении привилегий нуждались и наследники в том случае, если уходил из жизни человек, получивший их.

На примере Демидовых мы видим, что даже пожалованные монархом привилегии, им приходилось отстаивать в изнурительной борьбе с центральным и местным аппаратом власти (примеры тому приводятся и в названных изданиях института, и в другой исторической литературе). Нестабильность действия привилегий и постоянная забота об их сохранении заставляли Демидовых вновь и вновь обращаться к верховной власти для решения проблем, препятствующих функционированию и развитию их хозяйства.

¹⁵ Демидовский временник: Исторический альманах. Книга I, 1994, Кн. II, 2008; Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.), 2001; Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786, 2010; Культура индустриального Урала (XVIII—XX вв.), 2010; Черкасова А.С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Исследования 1961—1991 гг., 2012.

Объективная основа такого порядка состояла в том, что феодальное общество сословно. У каждого сословия был свой строго очерченный и юридически закрепленный за ним набор прав и обязанностей, своя, образно выражаясь, зона ответственности и сфера деятельности. Становление же крупного промышленного производства, с его насущными потребностями, определяющими успешность развития, упиралось в существующие правовые ограничения, которые иначе, как милостивым пожалованием монарха, преодолеть было нельзя.

Кроме того, при рассмотрении данного вопроса мы не должны забывать о соблюдении конкретно-исторического подхода к анализу явлений прошлого и не должны допускать их оценку с позиций правового сознания сегодняшнего дня. Феодальный принцип юридического неравенства, когда права и обязанности определялись принадлежностью к тому или иному сословию, вполне соответствовал правовому менталитету людей и уровню правовой культуры российского общества XVIII века. Поэтому, все, что противоречило феодальным законодательным принципам, но требовало правовой легализации, неизбежно могло быть оформлено только в соответствии с этими же самыми феодальными принципами, а именно — очередной привилегией.

Самый яркий и показательный пример сказанному то, что свой главный указ, возвещавший начало индустриальной эры, указ, который можно охарактеризовать как первый в истории России рыночный закон (поскольку он распространялся на представителей всех сословий), Петр I назвал Берг-привилегией. Именно как привилегию монарх оценивал даруемое своим подданным право заниматься розыском руд и основанием металлургических заводов вне зависимости от их сословного статуса. Таким образом, иных путей для юридического оформления пробивавшихся ростков нового экономического уклада, кроме как приспособления их к существующей системе права, не было. Более того, вслед за Демидовыми и ссылаясь на них, аналогичных льгот и привилегий добивались другие заводчики.

Частным случаем общей проблемы привилегий следует рассматривать и факт закрепощения заводских работников. Подчеркнем, что в первой половине XVIII в. на демидовских заводах преобладал наемный труд. За вычетом незначительного числа казенных мастеровых, подавляющее большинство составляли пришлые, среди которых было немало беглых крестьян, раскольников и прочего «гулящего» люда. Все они, с точки зрения тогдашнего права, являлись нарушителями закона, так как своевольно переселяться на заводы было непозволительно. Нарушителями становились и Демидовы, не имевшие права их принимать, но вынужденные это делать, дабы обеспечить бесперебойную работу

предприятий. Всю первую половину XVIII в. эта коллизия постоянно вызывала острые столкновения в отношениях Демидовых с представителями местной власти¹⁶.

Снять проблему можно было только в правовом поле, а оно, в рамках феодальной правовой парадигмы (изложенной выше) имело лишь один путь — все нарушители юридических норм, утратившие свои сословные связи, все равно должны быть водворены в прежнюю систему сословной стратификации. Данный принцип сомнению государством не подвергался и оспариванию не подлежал. Однако возникшее и, в конечном итоге, осознанное государством противоречие между потребностью развивающейся промышленности в рабочих руках и существующей сословной организацией общества, все равно разрешить как-то требовалось. Исходя из того, что лишать заводы рабочих рук недопустимо, государство находит единственно приемлемое его пониманию решение — инкорпорировать вновь формирующуюся социальную группу, занятую на обслуживании крупного промышленного производства, в существующую сословную пирамиду. Этот процесс проходил в два этапа. В 1736 г. всех пришлых зачислили в специально оформленную для них законом социальную группу вечноотданных заводом, но ещё, подчеркнём, не заводоладельцам. А в 1755 г. вечноотданных сверстали уже с крепостными. Естественно, что законность такого пути, в соответствии с правовым сознанием эпохи, ни у верховной власти, ни у Демидовых и других заводчиков, никаких сомнений не вызывала. Альтернативы этому пути в тех реалиях России просто не было.

Но вернёмся к привилегиям и отметим, что каждая привилегия всегда сопровождалась какой-либо обязанностью. Более того, на примере Демидовых мы можем наблюдать метаморфозу, когда сама привилегия в условиях феодальных отношений перерождается в обязанность. Добившись казённых заказов и поставляя в течение Северной войны вооружение по заниженным ценам, Никита Демидов и его наследники оказались обязанными и позже, в течение полувека, осуществлять казенные поставки по тем же самым ценам. В начале столетия Никита поступил правильно, так как казна была единственным крупным потребителем металла на внутреннем рынке. Именно за этот рынок он и боролся вполне рыночным методом, предлагая качественный продукт за меньшую цену.

Во второй же половине столетия, потомкам Никиты пришлось просить о пересмотре их обязательств перед казной. В феврале 1763 г. Никита Акинфиевич подал в Берг-коллегию изъяснение, в котором указывал, что Адмиралтейская канцелярия отягощает нас «одних Акинфиевых детей Демидовых» принудительными поставками, минуя «протчих заводчиков». При этом цена за поставки не соответствует производственным затратам, поскольку за пол века возросла заработная плата рабочих, в 2–3 раза поднялись цены на хлеб

¹⁶ Подробнее см.: Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник... Кн. I. С. 30–64.

и прочие припасы. Аналогичное изъяснение было подано и тремя сыновьями Григория Акинфиевича — Александром, Петром и Павлом. Однако в 1765 г. в ответе Сената на их просьбы было отказано и впредь рекомендовано выполнять поставки по старым ценам «безоговорочно».

Фактор длительного существования низких цен за казённые поставки и возрастающий отрыв от уровня рыночных цен сыграл, по нашему мнению, главную роль в сдерживании применения вольного труда на заводах и послужил объективной причиной закрепощения мастеровых и работных людей.

Упомянутое изъяснение Никиты Акинфиевича 1763 г. весьма интересно ещё одним моментом. Несмотря на, казалось бы, упрочение позиций крепостничества в горнозаводской промышленности, в экономическом правосознании заводчика и во взглядах на пути дальнейшего развития металлургии наблюдается серьёзная эволюция — его позиция в отношениях с государством смещается от «добывания» привилегий к поиску диалога и стремлению предложить конкретные решения насущных проблем на путях вживления во взаимоотношения с властью уже рыночных механизмов. Так, отмечая факт длительных (порой многолетних) просрочек казны в оплате казённых поставок, Никита подчёркивает, что заводчики от этого испытывают серьёзные «тягости» с оборотными средствами и заключает, что таких, кто бы «на исправление своих заводов собственной з достатком [капитал] имели... в Российской империи нет». А поскольку для стабильной работы предприятий деньги требовались постоянно, он предлагает учредить специальный заводский банк для выдачи кредитов под залог заводской продукции.

К месту будет добавить, что Н.А.Демидов часто компенсировал нехватку средств на текущие расходы у своих заводских жителей, занимавшихся торговлей. По крайней мере известно, что размеры таких займов доходили до пяти тысяч рублей серебром¹⁷.

Другой пример наметившейся тенденции к диалогу с государством мы встречаем у Прокофия Акинфиевича Демидова. Несмотря на продажу заводов, причины которой рассмотрены в очерке¹⁸, сопровождающем публикацию его писем, Прокофий от предпринимательства не отказался, а лишь сменил его сферу, занявшись кредитными операциями и став, по существу, первым русским банкиром, нацеленным на кредитование не знати и дворянства, а реального сектора экономики — купцов и оборотистых крестьян, финансируя их торговые сделки и заведение мануфактур.

В 1770 г. для знакомства с европейским опытом в банковской сфере П.А.Демидов совершил поездку в Голландию. В ноябре 1770 г. из Амстердама Прокофий Акинфиевич отправил письмо Екатерине II, в котором писал, что «усмотрел в пользу государственную,

¹⁷ Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник... Кн. I.С. 45.

¹⁸ Черкасова А.С. Прокофий Акинфиевич Демидов: Автопортрет в письмах // Прокофий Акинфиевич Демидов... С. 297–400.

ежели бы в Амстердаме российская коммерческая была контора. Из того польза в переводе денег». Далее он пояснял, что такая контора могла бы помочь купцам в торговых делах. Отслеживая актуальный курс рубля, она бы содействовала оформлению продаж российских товаров за границу и покупку иностранных в кредит по заявкам купцов, за что с последних взимались бы проценты в доход государства. Это предложение Прокофий сопровождал и тщательно продуманным проектом организации конторы с составлением примерного штата должностных лиц и описанием их обязанностей. В дальнейшем же, на основании приобретённого опыта, Прокофий Акинфиевич предлагал учредить такие конторы (своего рода — торгпредства) и в других странах.

И ещё один пример уже из XIX столетия, возвращающий нас к Анатолию Николаевичу Демидову, который, продолжая дело предков, большое внимание уделял, помимо прочего, внешнеэкономической деятельности. Очень обстоятельно эти вопросы рассмотрены в монографии Н.Г.Суровцевой¹⁹. Здесь же лишь кратко отметим, что взаимоотношения Анатолия с властными структурами выстраивались уже в несколько иной тональности. Его предложения властям имели более настойчивый и твёрдый характер, подкрепляясь даже довольно «жёсткими» действиями.

Отстаивая интересы металлургической отрасли и России на международном рынке, преодолевая непоследовательность правительственной политики в области внешней торговли, Анатолию (вместе с другими заводчиками) пришлось принять участие и приложить немало усилий, чтобы в 1840-х гг. отстоять запрет на ввоз в страну иностранного железа, так как в условиях развернувшегося тогда промышленного переворота, развивать машиностроение на основе привозного металла было чрезвычайно недальновидно и это не соответствовало национальным интересам страны. Второе направление настойчивой борьбы с правительством, на которое ушло целое десятилетие 1840-х годов — это вопрос о разрешении продавать за границу платину. В итоге Анатолий добился желаемого и выгодного России результата. Но для этого, в подкрепление своих доводов, он был вынужден применить экономические меры воздействия на правительство, сокращая объем платинодобычи (что означало сокращение доходов казны), подталкивая таким образом, правительство к принятию разумных решений.

Итак, подводя итог, следует сказать, что в первой половине XVIII в., в условиях отсутствия рыночного законодательства, борьба Демидовых за привилегии диктовалась потребностями экономического развития страны. Особенно тяжёлое бремя тогда легло на плечи первых Демидовых. Именно в форме привилегий — единственно возможным способом юридического оформления, рождались тогда ростки нового экономического права. И борьба за привилегии первых Демидовых, и попытки налаживания диалога с государством во второй

¹⁹ Суровцева Н.Г. Экспорт уральского металла в середине XIX века...

половине XVIII в., пусть неудачные, в силу неготовности к диалогу государства, и наконец, результаты, которых добился Анатолий Николаевич — все это звенья одной цепи. Вместе с укреплением в недрах феодального правопорядка нового экономического уклада, расширился и кругозор заводчиков, возрастала их субъектность в отношениях с государством. Результатом же становилась постепенно усиливающаяся диффузия существовавшей правовой системы, что неизбежно подводило страну к радикальному переходу в новое качество, состоявшемуся после 1861 г.

Таким образом, борьбу Демидовых за привилегии в первой половине XVIII в., по нашему мнению, следует рассматривать не как противоречие делу их жизни, а как инструмент и важнейшую составляющую в их деятельности, поскольку это вело к складыванию правовых условий для существования и развития крупного промышленного предпринимательства России в феодальный период.

Предпринимательство и нравственность

Выше уже отмечалось, что благотворительность Демидовых не была спонтанной и бессистемной, а совершалась осознанно и целенаправленно как вложение в человеческий потенциал, обеспечивающий поступательное развитие страны. Однако сказанное не следует понимать как упрощенно-утилитарный подход к благотворительности со стороны Демидовых. Реальность, конечно, была сложнее и глубже.

Традиции российской благотворительности формировались задолго до петровской эпохи, но основную заботу о страждущих несла тогда церковь. В XVIII в. в этой сфере начинается формирование государственных институтов (создаются богадельни, приюты, дома призрения и т.п.). С другой стороны, все шире в благотворительность направляются и средства частных лиц.

Этот процесс был обусловлен не только объективными социально-экономическими трансформациями переходной эпохи от феодализма к капиталистическому обществу, но и историко-культурными основаниями духовной жизни людей, стержнем которой, несомненно, являлась религиозность. В этом плане особенностью России стала ее принадлежность к православию с его этикой, ориентированной на приоритет общественных идеалов и нравственных ценностей над материальными.

История рода Демидовых дает нам ярчайшие примеры этому. Так, в 1727 г. Авдотья Федотовна, вдова Никиты Демидова, в своем завещании сыну Акинфию давала наказ — раздать все ее движимое имущество нищим по церквям и на строительство храмов, а кроме того жертвовать «в поминовение муже моем и по мне по вся годы... оставя скупость и не

жалая не токмо оставшагося моего, но и собственного своего имения. И души наши поминованием строить...»²⁰

Здесь мы видим, что помимо распоряжения личным имуществом, мать даёт сыну особый наказ – чтобы он на протяжении своей жизни продолжал жертвовать не жалея и собственное «имение». А такой наказ является актом передачи сыну уже не юридического, а нравственного обязательства. Необходимо подчеркнуть, что нравственная позиция, согласно которой человек, имеющий достаток, обязан делиться им с окружающими, безусловно, была присуща Авдотье Федотовне на протяжении всей ее жизни. И именно в такой среде рос ее сын Акинфий, на этих устоях формировалось его мировоззрение. Поэтому мать уверена, давая наказ, что сын исполнит его, и этим будет «строить» не только души родителей, но и свою собственную.

Нет сомнений, что в такой же нравственной среде росли и сыновья Акинфия, передавшие эстафету семейных духовных ценностей уже своим детям. Уникальное свидетельство этому мы видим на примере трех сыновей Григория Акинфиевича Демидова — Александра, Павла и Петра, которых он в 1748 г., в возрасте 8, 10 и 11-ти лет, отправил на учебу за границу. Тринадцать лет провели дети, а затем и юноши, в инокультурной среде. Конечно отец на расстоянии, посредством переписки, строго контролировал их пребывание за рубежом, посылал им русские книги, братья регулярно посещали русские церкви при посольствах, исповедовались и причащались. Тем не менее, все равно, поражает и восхищает сила культурного кода, заложенного в детские души отцом до отъезда братьев на чужбину, где они к моменту возвращения в Россию (в 1761 г.) провели больше половины своей жизни! Причем эта половина пришлась на особенно сложный возрастной период личности, когда шел активный процесс социализации и формирования мировоззрения. Однако домой братья вернулись по-прежнему русскими с обостренным чувством любви и долга перед семьей и Отечеством²¹. Впоследствии особенно известным из них стал Павел Григорьевич — основатель Ярославского лицея и щедрый благотворитель Московского университета.

И ещё один пример. В литературе иногда подчеркивается, что с кончиной в 1840 г. Павла Николаевича, учредителя Демидовской премии, ее присуждение могло прерваться, так как по акту об учреждении премии, ее надлежало выплачивать 25 лет после смерти учредителя, но действовавшее законодательство не предусматривало обязанность исполнения таких условий, которые требовали от наследников вложения собственных средств. Поэтому решение Анатолия Николаевича Демидова о продолжении финансирования премий оценивается как их спасение²².

²⁰ Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник... Кн. I. С. 249.

²¹ Черкасова А.С. «Ваш послушный сын» // Демидовский временник... Кн. II. С. 85–247.

²² Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры... С. 214.

Мы полагаем, что никакой угрозы прекращения присуждению премии не существовало и в спасении она не нуждалась. Фиксируя в акте распоряжение о сроке выплат премий, Павел Николаевич, занимавший видные чиновные должности, в том числе губернаторскую, не мог допустить такого правового неведения относительно законодательных норм. Распоряжение Павла Николаевича основывалось, как и в случае с завещанием Авдотьи Федотовны, не на законе, а на передаче брату нравственного обязательства и у Павла не было сомнений, что его воля будет исполнена. Поэтому и для Анатолия вопрос о продолжении присуждений не стоял — он просто не мог поступить иначе, то есть вопреки традициям, сохранявшимся в семье уже более ста лет.

Нравственность как комплекс ценностно-мотивационных установок определяет деятельность человека во всех её проявлениях. Поэтому, затрагивая данный аспект, нельзя ограничиваться лишь сферой благотворительности Демидовых. Присущие им нравственные нормы определяли одержимость Никиты и Акинфия работой. Их кипучая энергия в сумме с высоким профессионализмом обеспечила достижение невероятного успеха²³. Наследники, воспитанные на семейных традициях, заложенных основателями рода, восприняли на себя ответственность уже за сохранение и преумножение созданного отцом и дедом. При этом все Демидовы в качестве нравственного целеполагания своей деятельности осознавали служение России.

Напомним, именно государственной пользой обосновывал Прокофий Акинфиевич свой проект учреждения в Европе торговых представительств, поданный Екатерине II. Государственными интересами руководствовались Никита Акинфиевич и Анатолий Николаевич, добиваясь от правительства принятия разумных экономических решений. Конечно, параллельно Демидовы стремились и к достижению своей предпринимательской выгоды. Но важно понимать, что свою выгоду и свой предпринимательский успех Демидовы не отделяли от выгоды государственной. Иначе говоря, своё преуспевание они видели и строили не за счет казны, а в сотрудничестве с государством ради общей пользы.

Интересно отметить, что XVIII в. даёт нам и весьма показательный пример обратного. В середине столетия, поддавшись лоббированию влиятельных вельмож и надеясь на увеличение производительности горных заводов, правительство осуществило приватизацию казенных предприятий Урала. В результате, кроме двух заводов (Екатеринбургского и Каменского) все предприятия были переданы по заниженным ценам в руки титулованной знати (графов П.И.Шувалова, И.Г.Чернышева, С.П.Ягужинского, М.Л.Воронцова и др.). Итог оказался удручающим — спустя десять лет выяснилось, что заводы пребывают в плачевном

²³ Подробнее см.: Черкасова А.С. «...Чтоб железо делать самым лучшим мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник... Кн. I. С. 10–29.

состоянии и на грани банкротства. В течение нескольких последующих лет все они вернулись за долги обратно в казенное ведомство.

Исключение составил лишь один заводчик — солепромышленник А.Ф.Турчанинов (владелец Сысертского, Полевского и Северского заводов). Очень показательно, что он был единственным, кто не относился к числу знати и по своему происхождению, по своей ментальности был близок к Демидовым²⁴.

Это исключение является ярким подтверждение правила — если предприниматель нацелен только на личное обогащение и его экономическое поведение бездуховно, нравственные основания принимаемых решений отсутствуют, то такое предпринимательство неизбежно скатывается к откровенному хищничеству, за которым следует деградация и разорение.

И наоборот, шансы на успех в предпринимательстве многократно возрастают, если целеполагание деятельности человека базируется на нравственных основаниях, укоренённых в традициях и культуре своей страны, если человек стремится войти в резонанс с объективными потребностями национальной экономики.

Этот заключительный тезис подтверждается всем изложенным выше материалом из истории рода Демидовых, вписавших достойную страницу в летопись исторического опыта российского предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. — 504 с.

Демидовский временник: Исторический альманах. Книга I. — Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. — 400 с.

Демидовский временник: Исторический альманах. Книга II. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. — 856 с.

Казак А. Ю., Прокофьева Е. Н. История финансово-кредитных отношений в России от древности до конца XIX века. — Екатеринбург: Демидовский институт; УрГЭУ, 2016. — 104 с.

Клат С.А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле — фамильная усыпальница Демидовых (История создания и разрушения). — Екатеринбург: Демидовский институт, 2003. — 54 с.

²⁴ Подробнее об А.Ф.Турчанинове см.: Пирогова Е.П. Уральские заводчики и научные исследования XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3 (40). 2019. С. 92–97.

Клат С.А., Литовский В.В. Новые сведения о деятельности на Урале французских инженеров-топографов Бержье и Аллори // Культура индустриального Урала (XVIII—XX вв.): Сборник статей. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. С. 117–125.

Коллекционирование, меценатство и благотворительность: История и современность. Сборник статей. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2014. – 192 с.

Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.): Сборник исследований. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. – 160 с.

Костерина-Азарян А.Б. Театральная старина Урала. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1998. – 224 с.

Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911—1914). – Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. – 384 с.

Краснова Е.И. Демидовы. Родословная роспись. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1992. – 40 с.

Культура индустриального Урала (XVIII—XX вв.): Сборник статей. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – 224 с.

Лапаева Л.В. Возникновение и развитие металлургической промышленности в России (до 1917 г.) // Вестник Оренбургского государственного университета. № 6, 2005. С. 57.

Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник: Исторический альманах. Книга I. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 30–64.

Пирогова Е.П. Уральские заводчики и научные исследования XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3 (40). 2019. С. 92–97.

Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. IX – XVII века. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1997. – 304 с.

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – 496 с.

Рябов Б.Г. Уникальные «машины» горнозаводского Урала и Сибири. (XVIII — середина XIX веков). – Екатеринбург: Демидовский институт, 2016. – 416 с.

Суровцева Н.Г. Экспорт уральского металла в середине XIX века. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. – 176 с.

Талалай М.Г., Павловский Н.Г. Демидовы, князя Сан-Донато. Иностранная библиография. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2005. – 130 с.

Черкасова А.С. «...Чтоб железо делать самым лучшим мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник: Исторический альманах. Книга I. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 10–29.

Черкасова А.С. «Ваш послушный сын» // Демидовский временник: Исторический альманах. Книга II. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. С. 85–610.

Черкасова А.С. «Ваши особые научные познания... известны мне...» (Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею // Демидовский временник: Исторический альманах. Книга II. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. С. 9–84.

Черкасова А.С. Прокофий Акинфиевич Демидов: Автопортрет в письмах // Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. С. 297–400.

Черкасова А.С. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Исследования 1961—1991 гг. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2012. – 408 с.

Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. I. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 270.

Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. – М.: Наука, 2001. С. 209–262.